

Мухобой / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Мухобой / рассказ МУХОБОЙ

Такой профессии – начальник – вообще нет. А Николай Антонович работал начальником. Человека назначают руководить, если он это умеет. Если не умеет, то тоже назначают, но чаще всего, разобравшись, что не того поставили, снимают и назначают другого. В Николае Антоновиче еще не разобрались, вот он и работал начальником. Небольшим, впрочем, совсем маленьким. Он командовал конторой «Вторцветмета», и было под его командованием всего три девицы послешкольного возраста из тех, что в институты то ли не попали, то ли не стремились вовсе и пересиживали в этой мелкой конторе несколько переходно-установочных лет. Но и с таким маленьким коллективом Николай Антонович управиться не мог. Им бы самим кто руководил, как это и было всю его жизнь. Куда проще, а главное, спокойнее выполнять распоряжения, чем отдавать их. Распорядились, а ты пошел и выполнил. На душе покой, нервы в порядке, и не надо думать, как подчиненные отнесутся к твоим приказам. Николай Антонович в свое время в армии служил и даже до ефрейтора дослужиться не смог. О чем, однако, не жалел. В душе был недоволен и такой «ефрейторской» должностью, какую получил во «Вторцветмете».хлопотно, покоя никакого. Жена его было обрадовалась выдвижению, какие-то планы стала строить, но потом вспомнила всю совместную жизнь – она все-таки хорошо Николая Антоновича знала, и поняв, что назначение это – дело случайное и не только дальнейшего роста не предвидится, но и с этой должности супруга скоро попрут, махнула на его карьеру рукой. Ибо был Николай Антонович и в семейной жизни тих и законопослушен. Первые годы после свадьбы жена, памятуя поговорку о тихом омуте, все его подозревала в чем-то этаким. Но с течением времени успокоилась и эксплуатировала мужа в меру сил и возможностей. Николай Антонович и его супруга были людьми незлобивыми, детей у них как-то не случилось. Вот и

жили они потихоньку, угождая и не докучая друг другу особо. Чего нельзя было сказать о девицах в конторе. Мужчину они в Николае Антоновиче не видели, начальника тоже. Поэтому попросту его игнорировали. Не как пенек или табуретку, но как личность, не заслуживающую внимания. Сидит некто в своем кабинетике – и пускай сидит. Говорит что-то – пусть говорит. В работе своей несложной они давно уже разобрались, а потому служебные указания начальника были им до лампочки. Не особенно наглели, но о строгой дисциплине в конторе и речи быть не могло. На первых порах Николай Антонович пытался делать робкие замечания за опоздания и отлучки в рабочее время, да натолкнувшись на забор равнодушного молчания, почел за лучшее утихнуть и не приставать.

Было такое впечатление, что катится все само собой, без какого-либо его вмешательства. Начальник в представлении Николая Антоновича должен был гроыхать, разносить, карать и миловать. Но он-то этого не умел, а потому сидел ежедневно за столом и делал свою часть бумажной работы. И терпеливо ожидал, когда снимут.

Иногда Николай Антонович думал о своей жизни. Была она у него прямой и спокойной. Ни всплесков, ни взрывов. Правда, ему и не хотелось их. Жизнь, рассуждал он, должна быть удобной и легкой. По крайней мере, к этому нужно стремиться. Чего суетиться, дергаться, искать? Что заслужил, то и получишь.

Однако грыз его червячок сомнений. А то ли он заслуживает, к тому ли предназначен, чем занимается? Может быть, не представился просто случай раскрыть внутреннее свое, не дала судьба повода к этому? И Николай Антонович прислушивался к себе – что же там внутри скрыто чрезвычайного? И скоро ли? А самому поискать случая, нет, не так – СЛУЧАЯ, ему и в голову не приходило.

И еще мухи донимали Николая Антоновича. Их тогдашним летом что-то расплодилось. Огромные, нахальные, громко жужжащие, они врывались в комнату через любую подвернувшуюся щелочку, и начиналось форменное приставание. Вот уж на отсутствие любви со стороны мух он не мог пожаловаться. Казалось, жить без него они не могли. Мухи вились вокруг головы, садились на нос,

ползали по столу, по бумагам, с прямо-таки реактивным визгом проносились мимо ушей, и уже через полчаса такого издевательства Николай Антонович начинал стервенеть. Он дергался, махал руками, вскакивал, яростным шепотом ругался. Не помогало. Дихлофосом он травиться не хотел и объявлял открытую войну мушиной армии: скручивал трубкой газету и начинал избиение. Он лупил мух где только мог достать: на столе, стенах, окне. Но мухи тоже не дуры, прогресс умственный и у них наблюдается. Они очень быстро соображали, что самое спокойное место на потолке, по причине высоты и недосигаемости. И вскоре уцелевшие мухи собирались группками вокруг плафона и переживали приступ ярости у Николая Антоновича. А едва тот откладывал газету и садился за стол, как все начиналось сначала. Спасения не было.

А тут еще подслушал он случайно, как одна из девиц по телефону сказала кому-то: «Наш мухобой». Это Николая Антоновича просто доконало, поскольку сомнений, в чей адрес было сказано, у него не возникло. И как они прознали? Он ведь всегда, перед тем, как мух бить, дверь на ключ запирает...

Вот так обстояли дела, когда однажды к Николаю Антоновичу зашел посетитель. Дело у него было пустяковое, решили его быстро, но даже за это короткое время посетитель заметил, как истово хозяин кабинета отмахивается от мух. Приметил он и газетную трубку на краю стола. И сказал сочувственно:

– Беда просто с этими мухами. Ничем их не возьмешь. Раньше хоть «липучки» продавали, а теперь что-то не видно.

Сразу понятно – родственная душа! Николай Антонович был в таком угнетенном состоянии духа, что тут же отозвался на замечание посетителя. И излил ему все, что наболело. И про мух, и про девиц своих («мухобоя» тоже упомянул).

И ведь он ошибся! Посетитель внимательно выслушал, а потом сообщил:

– Знаете, есть одно средство. И эффективнейшее! Так мух убирает – никаких «липучек» не надо!

Николай Антонович загорелся. А тот, долго не ломаясь, пообещал завтра же это средство занести, только предупредил, что оно необычное и потребует от применяющего определенного личного

мужества. Но Николай Антонович впал в такое эйфорическое состояние, что на последние слова посетителя внимания не обратил. И зря.

На следующее утро, придя в контору, он узнал, что вчерашний посетитель уже был и оставил коробку с запиской. В записке он извинялся за то, что срочно вынужден уехать, и просил не удивляться, не пугаться, а пользоваться средством безо всяких сомнений.

Однако пришлось Николаю Антоновичу и удивиться, и испугаться, и посомневаться. Когда он, предварительно заперев дверь кабинета, распечатал коробку, то поначалу решил, что посетитель что-то напутал. Ибо был в коробке миниатюрный ангар, в котором находился еще более миниатюрный самолет. К коробке прилагалась краткая инструкция, а в ней на полном серьезе предлагалось использовать этот самолет для уничтожения мух. Нужно было установить ангар на ровной поверхности, лучше всего на столе, подключить шнур к розетке и нажать кнопку, расположенную на стенке ангара.

Что Николай Антонович ничтоже сумняшеся и проделал. Когда же пришел в себя, настал черед испугу – да не испугу даже, а ужасу, потому что оказался он совсем в другом, абсолютно необычном и страшноватом месте.

На первый взгляд могло показаться, что очутился он на палубе авианосца. Стоял Николай Антонович у самолета вполне нормальных размеров, а впереди, за воротами ангара, простиралось бесконечное пространство палубы. На горизонте, несколько сбоку, высилась надстройка... Надстройка?! Да ведь это же стопка гигантских книг!

Николай Антонович, обнаружив, что он по-прежнему у себя в кабинете, только катастрофически помельчал, еще более дико испугался, но по прошествии какого-то времени немного успокоился, и испуг загасила злость на проклятого посетителя, втянувшего его в такую дурацкую историю.

Он осмотрел самолет. Самолет был самым настоящим. Небольшой, одномоторный, он напоминал спортивный, предназначенный для высшего пилотажа, однако сходство портили стволы двух пушек, торчавшие в передней части фюзеляжа. В кабине, на пилотском

сиденье, лежала небольшая брошюра – инструкция по управлению самолетом. Николай Антонович ее бегло просмотрел и обратил внимание на то, что несколько раз особо упоминается надежность машины. Выходило так, что летчику ничего не грозило: никаких аварий, остановок двигателя, пожаров, невыпуска шасси быть просто не могло. Сиди себе да двигай ручкой. Николай Антонович хмыкнул с сомнением и сунул брошюру в карман.

После самолета он обследовал ангар. Был тут склад горючего, несколько серебристых цистерн. Отдельно, штабелями, сложены были снарядные ящики. Мастерская тоже имелась. Рядом с ней помещалась комната отдыха с диваном. Все условия – летай на здоровье!

Но Николай Антонович на эту провокацию не поддался. Он продолжил поиски и в конце концов в углу ангара обнаружил то, что надо: щиток с единственной кнопкой красного цвета. Надпись под ней гласила: «Возврат». Николай Антонович обрадованно нажал ее и через мгновение очутился в своем, принявшем нормальные размеры, кабинете, а на столе перед ним стоял ангар, который снова был чуть поменьше коробки из-под обуви. Какое-то время после этого Николай Антонович сидел в относительном оцепенении. Но зазвонил телефон, начались ежедневные заботы, и, отключив ангар от сети, он отодвинул его к краю стола.

Мухи нагнали по-прежнему. Даже, показалось, еще больше. Так и слышалось в их жужжании: «Струсил, трусил, боишься!» Николай Антонович только отмахивался: «Отстаньте, подлые!» – и продолжал заниматься своими делами. А мысли крутились в голове независимо от его воли: «Неужели действительно трусил?» И уговаривал себя, и убеждал: «Какой из тебя летчик? Ты посмотри – брюхо из штанов вываливается! Давление повышенное, ревматизм о себе знать дает, печень побаливает. Куда тебе летать? Ну был бы пацан семнадцатилетний – другое дело. А у тебя ведь по утрам звон в ушах стоит! Сиди и не рыпайся!» Но разве кто из нас когда своего внутреннего голоса слушается? И мухи проклятые поедом ели, пешком уже по столу разгуливали. Кончились душевные борения Николая Антоновича тем, что в обеденный перерыв, когда девчонки упрыгали в город, он опять

закрыв дверь кабинета на ключ и принялся изучать инструкцию по управлению самолетом.

Была она составлена просто и доходчиво. Конечно, о том, чтобы сидеть и ручкой шевелить, и речи быть не могло. Но относительная простота существовала. Как она была достигнута — о том в инструкции умалчивалось. А впечатление сложилось такое, что у Николая Антоновича руки зачесались попробовать все же подняться в воздух.

Конца рабочего дня он ждал с таким же нетерпением, как и его подчиненные. Только причина была другой, разумеется. Минут пятнадцать он не решался нажать кнопку адаптера-миниатюризатора, как именовалось это устройство в инструкции, потом все же собрался с духом. Пережив вторичный, гораздо более слабый шок от уменьшения, твердо ступая, он прошел к самолету, забрался в кабину, пристегнул ремни и, сверившись с инструкцией, запустил двигатель. И взлетел!

Первый вылет превратился в серию взлетов и посадок. Хотя и запело сладостно в душе, когда самолет оторвался от стола, Николай Антонович этой песне наступил на горло и занялся учебным курсом. Самолет предстояло освоить досконально. Взмокла спина, потели ладони, холодные ручейки сбегали по лбу и вискам, а он раз за разом поднимал машину и плавно приземлялся. Почувствовав, что делает это хорошо, перешел к пилотажу в воздухе. Окончился учебный день только тогда, когда стрелка топливомера задрожала у нуля.

Николай Антонович подрулил к ангару, выключил двигатель, выбрался из кабины и тщательно заправил самолет с помощью ручной помпы. Только теперь он почувствовал, что устал до ватных ног и тумана перед глазами. Кое-как доковылял до кнопки возврата, нажал ее слабым пальцем и повалился в кресло. Лишь спустя какое-то время он заставил себя подняться, упаковать ангар с самолетом в коробку и спрятать ее в шкаф. Дома он пробормотал жене что-то невнятное насчет трудного дня и, отказавшись от ужина, лег спать.

Наутро, придя на работу, Николай Антонович совершил первый боевой вылет. Правда, безуспешный. Не знал он еще повадок мух, а потому, расстреляв весь боезапас, злой как черт от своей

неудачи, он вернулся в нормальное обличье, сел и занялся текущими делами. Обеденный перерыв был посвящен дозаправке самолета.

Больше в этот день он не летал. Отправился после работы в библиотеку, затребовал всю возможную литературу о мухах и допоздна просидел над книгами. Узнал он многое, полезное и ненужное, лишь о тактике мушиных полетов не сказано было ничего. Наверняка было где-нибудь и об этом, но Николай Антонович махнул рукой на поиски и решил сам понаблюдать за противником, а заодно потренироваться в пилотировании.

Среди мух появление маленькой жужжащей штучки особого оживления не вызвало. Поначалу просто уходили в сторону, едва Николай Антонович пытался поймать черное брюшко в перекрестке прицела. А потом и тут обнаглели и стали буквально не давать прохода. Николай Антонович огня не открывал, присматривался, запоминал и на провокации не поддавался. Но когда жирная, с противным зеленым отливом туша прочно пристроилась сзади самолета, крутясь и наскакивая, Николай Антонович заломил вдруг крутой вираж, сумел зайти противнику в хвост, и пальцы его нажали на гашетку.

Пушки самолета заряжены были трассирующими снарядами, и, видимые даже при свете дня, светящиеся змеи четко скрестились на мохнатом пузе агрессорши. И только клочья полетели. Муха задергалась, рухнула вниз, а Николай Антонович резко взял ручку на себя, взмыл к самому потолку и запел победно, описывая круг по всей комнате.

В этот вылет он сбил еще двух. Больше не позволило время, поскольку то и дело звонил телефон, один за другим шли посетители, надо было начинать готовить полугодовой отчет. Короче, земных дел хватало.

И все же, едва улучив свободную минуту, Николай Антонович нажимал кнопку, прыгал в самолет и взмывал в воздух.

В стане противника что-то такое стали соображать. Мухи, ранее отсиживавшиеся на потолке, поняли, что и там для них теперь спасения нет. Набрав скорость, Николай Антонович переворачивал самолет и шел у самого потолка, расстреливая затаившихся врагов почти в упор, как самолеты на аэродроме. Мухам очень бы

помогла зенитная артиллерия, но зениток у них не было. Началась паника. Теперь, даже когда Николай Антонович сидел в кресле, а не в кабине самолета, мухи не рисковали приближаться к нему, а тихо прятались где-нибудь на шкафу и передвигаться предпочитали ползком, чтобы не привлекать к себе внимания.

Дела в конторе шли тоже хорошо. Работалось после полетов особенно вкусно: Николай Антонович уже не уставал, слетав, а был энергичен и деловит.

Он как-то не заметил, что и отношение к нему вертихвосток резко изменилось. Утром они здоровались, а не кивали пренебрежительно, как раньше. Робко постучав в дверь, спрашивали совета по служебным делам. И даже угощали чаем с домашними пирожками.

Николай Антонович в зеркало не любил смотреться, тем более не мог понаблюдать себя со стороны, а потому не знал, что он и внешне изменился. Не было теперь рыхлого пузана с глубокими залысинами и мешками под глазами. А был подтянутый крепкий мужчина, выглядевший моложе своих лет, с упругой, решительной походкой и острым взглядом серо-стальных глаз на немного обветренном и в меру загоревшем лице. Ну как было не зауважать такого? Наконец, придя однажды на работу, он обнаружил на своем столе легкомысленную вазочку с цветами, которую тут же переставил на пол в углу, чтобы не мешала полетам. А дверь с тех пор на ночь стал закрывать на ключ. Во избежание.

Не до того было Николаю Антоновичу. Ибо появился у него настоящий враг, жестокий и смертельно опасный. Правда, и союзник появился. Союзником был паук, сети которого он обнаружил в щели между шкафом и стеной. Иногда, чтобы не тратить снаряды, ловкими маневрами он загонял обезумевшую муху в паутину и, покачав крыльями, что означало «Приятного аппетита!», отправлялся дальше.

А врагами стали осы. И когда они ухитрились слепить гнездо? Увлеченный своей войной с мухами, Николай Антонович как-то пропустил этот период. И чуть было не поплатился жизнью.

Оса напала первой. Лишь в последний момент ему удалось вильнуть в сторону, когда полосатая, тигровой окраски громадина неожиданно свалилась сверху. Бросив самолет в

мертвую петлю, он увидел противника. Оса вновь шла в атаку. Отступить было не в его правилах, и Николай Антонович принял бой.

Только маневрами на предельной скорости ему удавалось избежать молниеносных выпадов смертоносного жала. Своими непрерывными атаками оса не позволяла выйти на линию огня, пушки были почти бесполезны. И все же при малейшей возможности он прижимал гашетку. Наконец ему удалось оторваться от повисшего на хвосте чудовища, развернуть самолет и выйти в лобовую атаку. Но в тот момент, когда быстро надвигающаяся черно-желтая громадина прочно накрылась прицелом и он открыл огонь, пушки, последний раз коротко татакнув, умолкли. То ли их заклинило, то ли в пылу боя он не заметил, как кончились снаряды.

Была еще доля секунды, когда, отдав от себя ручку, можно было уйти вниз. Но это значило неминуемо подставить себя под удар страшной ядовитой шпаги. И тогда, зажмурившись и крепче ухватив ручку, Николай Антонович решился на последнее средство. Он пошел на таран. Сокрушительный удар потряс самолет, его швырнуло в сторону, раздался скрежет разрываемого металла.

Ручку вырвало из рук, и самолет, потеряв управление, стал падать.

Лишь у самой поверхности стола Николай Антонович пришел в себя от удара и выровнял машину. Самолет плохо слушался руля, в разодранной плоскости торчал обломок осинового жала, но победный круг все же сделать удалось. Далеко внизу корчился искалеченный враг, и вид его наполнил душу Николая Антоновича ни с чем не сравнимой радостью победы. Кое-как сев, он закатил самолет в ангар. Сегодня сил уже ни на что больше не было. Вернувшись, он запер кабинет, сказался девочкам больным и ушел домой.

Полторы недели он потратил на ремонт самолета. Пришлось основательно повозиться, прежде чем машина была готова вновь подняться в воздух. Про себя же Николай Антонович решил, что таран слишком дорогой метод ведения войны. А на стене ангара, где он отмечал сбитых мух, появился силуэт первого уничтоженного «летающего тигра».

Самолет после ремонта выглядел как новый. На фюзеляже Николай Антонович, вспомнив подслушанный разговор, вывел, усмехаясь, красивыми буквами: «Мухобой».

Мухи затаились, ожидая исхода схватки двух сильных, стоящих друг друга противников.

Требовалось радикальное средство борьбы с осами. Гнездо их, став обычного роста, он обнаружил без особого труда. Но мысль уничтожить его теперь же, просто прихлопнув чем-нибудь тяжелым, отменил с негодованием. Недостойно это было настоящего бойца, воздушного аса. Появился у него один план, но насколько он был успешен, предстояло выяснить только в процессе его реализации. Путем длительного наблюдения Николай Антонович выяснил, что в гнезде, кроме сбитой, обитало еще четыре осы, все особи взрослые, крупные, обладающие отменной реакцией. Охотиться нужно было за каждой в отдельности, так, чтобы не видели остальные. Кто их знает, этих зверюг — кинутся, разъярившись, вдвоем-втроем, вот тут и поминай как звали начальника конторы «Вторцветмета». Конечно, литературу о противнике он самым тщательным образом проштудировал, знал сильные и слабые стороны «летающих тигров». Но уже на примере мух убедился, что в его случае все может быть по-другому, чем в книгах, и сражаться приходится с существами, обладающими некими зачатками разума, хотя и примитивного. Так что особо рисковать не стоило.

В субботу рано утром, сообщив жене, что уезжает в командировку до понедельника, он пришел в контору, открыл свой кабинет и, понаблюдав некоторое время за осиным гнездом и признаков жизни не обнаружив, взялся за претворение своего плана в жизнь.

Сперва нужно было организовать засаду. Потревожив союзника-паука, но вежливо перед ним извинившись, он передвинул шкаф поближе к базе противника — гнезду. Однако так, чтобы осталось достаточное пространство. Затем, сделав несколько коротких рейсов «стол — шкаф — стол», он перевез некое количество боеприпасов и захваченную из дома сумку с провизией — для подкрепления сил во время длительной двухсуточной осады. И наконец, посадив самолет на шкаф, он аккуратно подрулил к заранее выбранной линии огня. Отсюда гнездо и особенно

подступы к нему были как на ладони. План Николая Антоновича заключался в том, чтобы сбивать ос на подлете к гнезду или на вылете из него, когда они ничего не подозревают. Тут были определенные трудности. Если в воздухе пушками можно было управлять, маневрируя самолетом, то здесь, на шкафу, самолет стоял неподвижно и пушки стреляли только в одну точку.

Для начала следовало дождаться возвращения ос и выяснить, с одной ли стороны они подлетают к базе или каждый раз произвольно меняют направление. Поэтому Николай Антонович достал из сумки бутерброд, поудобнее уселся в кабине и принялся наблюдать.

Спустя несколько часов он уже знал, что осы подходят к гнезду и уходят от него всегда по одному и тому же маршруту. Это упрощало дело. Однако всего раз они вылетели поодиночке, с небольшими интервалами. Нужно было терпеливо выждать.

Николай Антонович, налегая на хвост самолета, установил его так, что теперь точка, в которой сходились трассы снарядов, находилась на небольшом расстоянии от гнезда, точно на линии подлета к нему ос. Осмотревшись и не увидя поблизости этих полосатых чудовищ, он для проверки дал несколько пристрелочных залпов и убедился, что положение самолета выбрал правильно.

Первую осу Николай Антонович сбил под вечер. Три остальные уже вернулись на базу, последняя запаздывала. Он понимал, что есть реальный шанс использовать это опоздание. И не ошибся. Оса летела медленно. До гнезда ей оставалось совсем немного... Но в это время Николай Антонович, сощурившись, плавно отвел предохранительный колпачок и, прикинув достаточное для упреждения время, нажал на гашетку. Длинная очередь сотрясла самолет. Снаряды попали как раз туда, где тело осы сужалось в талию, и разорвали осу пополам.

Потревоженные выстрелами, осы показались из своего убежища. Какое-то время они взволнованно ползали, иногда взлетая в поисках подруги. Николай Антонович, все еще держа палец на гашетке, сидел тихо. Наконец осы успокоились, вернулись в гнездо. Тогда и он выбрался из кабины, постелил под крылом самолета плед и уснул.

Утром удалось уничтожить еще одну. Раннюю пташку, так сказать.

Подруги замешкались в гнезде, а она выползла на свет божий, взмахнула крыльями, направляясь к окну, и... напоролась на снаряды. С развороченным брюхом, кувыркаясь, она все-таки смогла дотянуть до подоконника, да там и упала, корчась и пронзая воздух жалом.

Осталось сбить двух последних, но это и было самым трудным и опасным. Поодиночке они уже не летали. Николай Антонович напрасно прождал весь день, а к концу его решился и открыл огонь сразу по паре. Они подходили к гнезду одна за другой, и если бы шли на хорошей скорости, то вторая оса, не успев затормозить, влетела бы под снаряд вслед за первой. Однако она успела.

И когда, грозно развернув крылья, эта жужжащая громада двинулась к шкафу, Николай Антонович понял, что засада его раскрыта и спасение теперь только в ангаре. Лихорадочно запустив двигатель, он рванул самолет с края шкафа, уже в падении набирая обороты и разворачиваясь в сторону стола. Сзади надвигалось громовое гудение, но он не оглядывался. Не было времени для маневров, и, сходу брякнувшись на поверхность стола, едва не подломив стойки шасси, он зарулил в ангар, прижал тормоз и, откинув фонарь кабины, бросился к спасительной кнопке возврата.

Оса, словно не почувствовав разницы между маленьким Николаем Антоновичем и большим, зашла на него в атаку. Но разница-то была! И Николай Антонович просто взял линейку и сшиб ею осу в воздухе. А затем наступил на нее и раздавил...

В понедельник утром, придя на работу в контору, девушки заглянули в кабинет начальника. Тот спал, сидя в кресле и уронив голову на стол. Перед ним лежали остатки бутербродов, термос с чаем и стакан. Среди хлебных крошек затерялись четыре растерзанных осиных трупика. Несмотря на распахнутое настежь окно, в комнате не было ни одной мухи.

...Николай Антонович работает все там же. Пока. Не так давно вызывало его начальство, угощало чаем. И было ему недвусмысленно сказано, чтобы готовил свои дела к сдаче, поскольку решено подобрать ему место повыше, с соответствующим окладом и ясными перспективами на дальнейшее продвижение.

Сообщение это Николай Антонович воспринял спокойно, даже несколько равнодушно. Подумал только, что затянули с повышением, могли бы и раньше предложить.

Девушки в его конторе остепенелись. Одна даже замуж вышла. На начальника своего они смотрят с обожанием, слушаются беспрекословно.

...Зима прошла спокойно. Но едва наступила весна, как у Николая Антоновича зачесались ладони. И однажды, захватив коробку с ангаром, он сообщил девушкам, что отправляется в управление, а сам добрался до окраины города, нашел небольшое учреждение, из окон которого не торчали коробки кондиционеров, вошел туда и спросил:

– Мухи не мешают? Вывести не надо?

Пидоренко И.В. Все вещи мира: Фантастика. – Ставрополь, Кавказский край, 1993. Некаýalar